

H

Владимир Набоков
Подвиг

Роман

издательство аст

Москва

УДК 821.161.1-31(73)

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Н14

Художественное оформление и макет Дмитрия Черногаева
(Серия «Набоковский корпус»)

Набоков, Владимир Владимирович.

Н14 Подвиг : роман / Владимир Набоков. — Москва : Издательство АСТ :
CORPUS, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-17-172937-0 (Эксклюзив: Русская классика)

ISBN 978-5-17-172939-4 (Набоковский корпус)

«Подвиг» (1931), четвертый роман Владимира Набокова, написанный в Берлине, представляет собой новый взгляд на классический «роман воспитания». Набоков наделяет своего трогательного героя некоторыми собственными чертами и обстоятельствами, в то же время делая его человеком, далеким от литературы. Выпускник Кембриджа с цветочным именем Мартын Эдельвейс, русский эмигрант, мечтает совершить что-то исключительное. Он путешествует по Европе и тщетно ищет применения своим способностям. Никогда не оставлявшее его смутное стремление постепенно обретает очертания, и он решается на подвиг, подобный мифическому сошествию в Аид, — перейти границу возможного и вернуться в собственное русское детство.

УДК 821.161.1-31(73)

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-172937-0 (Эксклюзив: Русская классика)

ISBN 978-5-17-172939-4 (Набоковский корпус)

First published in 1931

Copyright © 1971 by Dmitri Nabokov

All rights reserved

- © А. Бабиков, редакторская заметка, примечания, 2021
- © Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2025
(Серия «Набоковский корпус»)
- © ООО «Издательство АСТ», 2025
Издательство CORPUS ®

Содержание

От редактора

7

ПОДВИГ

13

От редактора

«Подвиг», четвертый роман Владимира Набокова, сочинялся в Берлине в 1930 г. 17 августа этого года Набоков писал редактору парижского журнала «Современные записки» И. И. Фондаминскому:

Зимой же я вам представлю большой роман из «эмигрантской жизни», — я уже написал около полутора ста страниц, и осталось, вероятно, столько же; он будет, может быть, называться «Золотой век», — я еще не знаю, очень какая-то бодрая вещь, без «страшного мира Сирина», как кто-то писал.

Роман был закончен к ноябрю 1930 г.; в следующем году, наряду с публикацией отрывков из него в эмигрантских газетах, он был полностью опубликован в нескольких номерах «Современных записок». Отдельной книгой «Подвиг» вышел в 1932 г. в издательстве «Современные записки» (Париж). Печатается по этому изданию. Английский перевод романа под многозначным названием «Glorу» (слава, триумф, победа, великолепие, расцвет), подготовленный автором вместе с сыном Дмитрием, увидел свет в 1971 г.

«Подвиг» был переиздан в «Ардисе» (Анн-Арбор) по тексту первого издания в 1974 г.

ПОДВИГ

Роман

Посвящаю моей жене

I

Эдельвейс, дед Мартына, был, как это ни смешно, швейцарец, — рослый швейцарец с пушистыми усами, воспитывавший в шестидесятих годах детей петербургского помещика Индрикова и женившийся на младшей его дочери. Мартын сперва полагал, что именно в честь деда назван бархатно-белый альпийский цветок, баловень гербариев. Вовсе отказаться от этого он и позже не мог. Деда он помнил ясно, но только в одном виде, в одном положении: старик, весь в белом, толстый, светлоусый, в панамской шляпе, в пикейном жилете, богатым брелоками (из которых самый занимательный — кинжал с ноготок), сидит на скамье перед домом, в подвижной тени липы. На этой скамье дед и умер, держа на ладони любимые золотые часы, с крышкой как золотое зеркальце. Апоплексия застала его на этом своевременном жесте, и стрелка, по семейному преданию, остановилась вместе с его сердцем. Затем дедушка Эдельвейс годами сохранялся в грузном кожаном альбоме; в его время снимали со вкусом, с расстановкой, это была операция нешуточная, пациент

должен был замереть надолго, — еще не пришло, вместе с моментальной фотографией, разрешение на улыбку. Сложностью светописи объяснялись увесистость и крепость бравых дедушкиных поз на бледноватых, но очень добротных фотографиях, — дедушка в молодости, с ружьем, с убитым вальдшнепом у ног, дедушка на кобыле Дэзи, дедушка на полосатой верандовой лавке, с черной таксой, не хотевшей сидеть смиренно, а потому получившейся с тремя хвостами. И только в тысяча девятьсот восемнадцатом году дедушка Эдельвейс исчез окончательно, ибо сгорел альбом, сгорел стол, где альбом лежал, сгорела и вся усадьба, которую, по глупости, спалили целиком, вместо того чтобы поживиться обстановкой, музички из ближней деревни.

Отец Мартына врачевал кожные болезни, был знаменит, — тоже, как и дед, бел и тучен, любил в свободное время удить бычков и обладал великолепной коллекцией кинжалов, сабель, а также длинных старинных пистолетов, из-за которых приверженцы более новых систем чуть его не расстреляли. Весной восемнадцатого года он отяжелел, распух, стал задыхаться и умер при неясных обстоятельствах. Его жена, Софья Дмитриевна, жила в то время с сыном под Ялтой: городок примерял то одну власть, то другую и все привередничал.

Это была розовая, веснушчатая, моложавая женщина, с копной бледных волос, с приподнятыми бровями, густоватыми у переносицы, но почти незаметными поближе к вискам, и со щел-

ками в удлинённых мочках нежных ушей, которые прежде она пронимала сережками. Ещё недавно она сильно и ловко играла в теннис на площадке в парке, существовавшей с восьмидесятых годов, осенью много каталась на черном велосипеде «Энфильд» по аллеям, по шумно шуршащим коврам сухих листьев или отмахивала пешком по упругой обочине весь длинный, с детства любимый путь между Ольховым и Воскресенским, поднимая и опуская, как заправский ходок, конец дорогой трости с коралловым набалдашником. В Петербурге она слыла англоманкой и славу эту любила, красноречиво говорила о бойскаутах, о Киплинге и находила совершенно особое удовольствие в частых посещениях Дрюса, где, уже на лестнице, перед большой рекламой (женщина, сочно намыливающая голову мальчишке), приветствовал вас замечательный запах мыла, лаванды, с примесью ещё чего-то, говорившего о резиновых ваннах, футбольных мячах и круглых, тяжеленьких, туго спеленутых рождественских пудингах. И разумеется, первые книги Мартына были на английском языке: Софья Дмитриевна как чумы боялась «Задушевного Слова» и внушила сыну такое отвращение к титулованным смуглянкам Чарской, что и впоследствии Мартын побаивался всякой книги, написанной женщиной, чувствуя и в лучших из этих книг бессознательное стремление немолодой и, быть может, дебелией дамы нарядиться в смазливое имя и кошечкой свернуться на канапе. Софья Дмитриевна не терпела уменьшительных, следила за со-